

Во дворе дома по обе стороны примостились две пристройки: слева — кухня, справа — помывочная. В очаге всюду плясали языки пламени, а из трубы над крышей тонкой струйкой тянулся в небо сизый дымок.

Шуй Цюэ честно пытался помочь. Юноша заметил, что Ци Чаоцзинь не слишком-то обрадовался его появлению под своим кровом, и хотел как-то загладить это впечатление. Однако дымоход в крестьянском доме был устроен просто и грубо: стоило разжечь огонь, как всю кухню заволочло едким дымом. Глаза гостя тут же покраснели и заслезились; он замер, хлопая веками, из которых вот-вот готовы были сорваться крупные капли.

Хозяин дома, глядя на его жалобный вид, совершенно не знал, как реагировать. Оставалось лишь гадать, из какой благородной семьи сбежал этот молодой господин.

— Иди в дом, жди там, — коротко бросил он.

С бесстрастным лицом Ци Чаоцзинь подбросил в зев печи охапку хвороста. Он привычно качнул рычаг мехов, и вода в котле тут же отозвалась басовитым бурчанием. Теперь, когда в доме появился лишний рот, добавить лишнюю пару палочек для еды не составляло труда.

Вскоре на круглом деревянном столе появилась тарелка с маринованной редькой, паровые хлебцы размером больше лица и миска с клецками в густом бульоне.

Молодой человек мельком глянул на собственную чашу с надколотым краем, а затем перевел взор на гостя. Шуй Цюэ сидел напротив него. Грубая керамическая миска казалась огромной — почти в половину его бледного лица. Юноше приходилось обхватывать ее обеими ладонями, а когда он делал глоток, за краем чаши виднелись лишь его тонкие, изящные брови.

Стройная шея напрягалась, кадык едва заметно дергался. Парень осторожно поставил миску обратно на стол.

Ци Чаоцзинь проследил за его движениями. Гость трудился над едой добрую вечность, но так и не одолел даже половины — а ведь это был самый обычный крестьянский обед, который в деревне Цинхэ ели в каждом доме. Почему же, глядя на то, как ест этот юноша, хозяину становилось его почти жаль?

Он поднялся и вышел. Когда молодой человек вернулся из кухни в горницу, в его руке было маленькое блюдо. В нем лежала мелко нарезанная вяленая говядина. Это мясо, заготовленное еще к праздникам, долго мариновалось с имбирем, корицей и другими пряностями. Ци Чаоцзинь понимал: если положить в миску целый кусок, этот изнеженный гость его просто не разжует. Поэтому он тщательно изрубил мясо ножом, превратив его в мелкий фарш.

Наклонив блюдо, он высыпал мясную крошку прямо в чашу с клецками. Шуй Цюэ удивленно моргнул и негромко произнес:

— Спасибо. А ты сам разве не будешь?

Хозяин опустился на бамбуковый стул и, проигнорировав вопрос, лишь ответил:

— Ешь. А как закончишь — ложись спать.

— Но... — замялся юноша. — Я еще не принимал ванну.

Ци Чаоцзинь привык мыться в общих купальнях академии, и эта бытовая подробность совершенно вылетела у него из головы. Доев свой хлебец, он был вынужден снова идти за водой.

В пристройке-помывочной стояла большая кадка. Раньше там было и корыто, однако мать хозяина дома скончалась в сентябре прошлого года, и всё, чем она пользовалась при жизни, сожгли на заднем склоне горы в качестве погребального приношения. Согласно законам династии Да Жун, дети обязаны были соблюдать траур по родителям в течение двадцати трех месяцев, в это время им запрещалось участвовать в имперских экзаменах или занимать государственные должности.

Ци Чаоцзинь получил звание сюэца в середине августа прошлого года, и на волне этой великой радости его вечно болезненная мать покинула этот мир. Он три месяца не отходил от ее гроба, исполняя все ритуалы, и лишь в этом году вернулся к занятиям в академии Сицзян. Теперь он сможет попытаться счастья на осенних экзаменах не раньше августа следующего года.

Разбив сухие плоды мыльного дерева, молодой человек долго растирал их в воде, пока та не стала слегка вязкой. Выловив остатки шелухи, он получил чистый травяной настой для мытья. Намокшие днем одежды Шуй Цюэ уже высохли во дворе на солнце; Ци Чаоцзинь перенес их в помывочную и повесил на перекладину, чтобы гость мог переодеться после купания. На ощупь ткань была из нежнейшей овечьей шерсти — мягкая и гладкая, она не шла ни в какое сравнение с грубым холстом его собственного платья.

Шуй Цюэ показалось, что запах мыльного дерева слишком резкий, почти колючий, но, живя в чужом доме, он не решился привередничать. Не хватало еще, чтобы хозяин счел его чересчур капризным.

Однако ночью он никак не мог уснуть. Юноша ворочался с боку на бок, пока не решился тронуть лежащего рядом Ци Чаоцзиня за плечо. Шуй Цюэ придвинулся ближе и, не смея в ночной тишине говорить вслух, прошептал ему на самое ухо:

— Ци-лан... постель такая жесткая.

Он вспомнил, как днем хозяин лавки с пирожками называл его «Ци Эрланом», и решил сократить обращение. Ци Чаоцзинь дышал ровно, но на самом деле он тоже не спал.

«Неужели он прячет в исподнем ароматические шарики?» — хозяин не мог понять, как этот парень устроен. Сладкий, густой аромат пропитал даже летнее одеяло и тонкими нитями пробирался к самому лицу, не давая покоя.

В доме было всего две спальни, и если бы восточную комнату покойной матери не переделали под кабинет, молодому человеку ни за что не пришлось бы делить ложе с гостем. Шуй Цюэ, решив, что тот крепко спит, снова толкнул его, и его дыхание невольно коснулось шеи хозяина.

— Ци-лан...?

«Неужели так крепко заснул?» — подумал юноша.

У Ци Чаоцзиня онемела половина тела. Как самое обычное обращение в устах этого парня могло звучать так двусмысленно?

Глубоко вздохнув, он рывком сел, зажег лампу на столе и вытащил из шкафа пухлое одеяло, набитое камышовым пухом — его обычно доставали только зимой.

— Вставай пока, — велел он.

Шуй Цюэ послушно вскочил.

Хозяин расстелил одеяло на кровати, тщательно разгладил все складки и подоткнул углы, а сверху положил бамбуковую циновку.

— Теперь ложись.

Юноша улегся на правую сторону кровати. На мягкой подложке стало куда удобнее, и вскоре его дыхание стало ровным и тихим — он уснул. Ци Чаоцзинь же продолжал лежать с открытыми глазами. Было ли дело в летней жаре, но на лбу гостя выступили бисеринки пота. Он был одет в закрытое исподнее, и от тепла его тела душный аромат стал лишь гуще.

Особенно невыносимо стало, когда Шуй Цюэ во сне перевернулся и прижался своим плечом к плечу Ци Чаоцзиня. Тот окончательно решил: завтра же нужно отвести этого парня к властям.

— Исключено, — отрезал мелкий чиновник в управе, глядя на Ци Чаоцзиня. — Ты за кого нас

принимаете? Поднебесная велика. У него есть только имя, а где он живет — неизвестно. К тому же фамилия Шуй в нашем уезде Чанчжоу не встречается. Как мы найдем его родню? Скорее всего, это сирота из беженцев, пришедших с юга. В таком случае надежды и вовсе нет.

Служащий безразлично пожал плечами:

— Мы можем продержать его максимум семь дней. Если никто не объявится и не найдется желающих взять его под опеку, он будет обращен в казенные рабы.

Ци Чаоцзинь пришел один, не став брать Шуй Цюэ с собой. Он хотел сначала всё разузнать. Услышав слова чиновника, он нахмурился и поспешил откланяться. Молодой, красивый, будто сошедший со страниц книг — если такой попадет в казенные рабы, его вряд ли заставят просто подметать дворы в управе.

Вчера в академии Сицзян начались каникулы на время полевых работ, занятия возносятся только в июле. Выйдя из управы, молодой ученый, ведомый какой-то неведомой силой, побрел к восточному рынку. Здесь кипела жизнь: лавки теснились одна к другой, винные погреба и чайные домики красовались яркой черепицей.

Приказчик из лавки тканей заметил, что молодой человек долго стоит снаружи, не решаясь войти. Хотя парень был хорош собой, его белое домотканое платье было застирано до желтизны, что сразу выдавало в нем деревенского жителя. Махнув веером, торговец неприязненно спросил:

— Послушайте, ланцзюнь, вы стоите тут уже вечность. Собираетесь что-то покупать или нет? Не загораживайте проход, не мешайте торговле.

Ци Чаоцзинь нащупал в рукаве несколько связок медных монет.

— Сколько стоит у вас кусок шелкового газа?

Приказчик немного оживился:

— Это недешево! Наш шелк прямиком из Цинчжоу, даже сын уездного магистрата берет только у нас. Один рулон — не меньше четырех-пяти гуаней!

Хозяин промолчал. Одна гуань — это тысяча вэней. Из одного рулона выйдет всего два платья, а цена за него превышала всё его состояние.

Шуй Цюэ нес деревянный таз, в котором лежали валец, мыльные плоды и вчерашнее белье.

Выходя со двора, он не забыл запереть плетеные ворота на засов. Неподалеку от дома протекала чистая, прозрачная речушка.

Юноша проснулся поздно, когда солнце уже стояло высоко. Хозяин возился на кухне, готовя кашу, но самого его видно не было. Шуй Цюэ очень боялся, что его выгонят, и решил показать, что он тоже может быть полезен. Он не собирался даром проедать чужой хлеб!

На берегу реки в воду выступала длинная каменная плита, на которой могли уместиться сразу несколько человек. Было видно, что здесь постоянно стирают: камень был отполирован до блеска и не зарос мхом. Парень со вздохом опустил таз на плиту и вытер пот со лба краем рукава.

Он присел на корточки, вывалил грязное белье и, вытянув одну вещь, бросил ее в воду, а затем с трудом вытянул обратно на камень.

Голос Наблюдателя 01 прозвучал ледяным холодом.

[Может, хватит уже?]

[Ты серьезно собрался стирать ему одежду?]

Шуй Цюэ пробурчал под нос:

«Но в сюжете сказано, что я должен проявлять заботу о главном герое, окружать его вниманием...»

Как он покажет свою преданность, если не будет ничего делать? Наблюдатель усмехнулся, но затем сменил тон на более мягкий:

[Чтобы проявлять заботу, достаточно просто быть ласковым с ним.]

[Малыш, разве это не то, что ты умеешь лучше всего?]

Юноша промолчал. Он пару раз ударил вальком по ткани и чуть не упустил рубашку в реку — течение было быстрым. Испугавшись, что он только всё испортит, парень бросил валец и просто сидел на берегу, лениво водя пальцами по воде.

Ци Чаоцинъ возвращался с того берега. Обычный житель династии Да Жун зарабатывал в день около ста вэней. Раньше семья жила на те скромные деньги, что выручала болезненная мать молодого человека шитьем; так она вырастила двоих детей. Сестра, Ци Сюэжу, два года назад вышла замуж, а здоровье матери становилось всё хуже. Врачи говорили, что это неизлечимый недуг, с которым не справились бы даже лучшие лекари столицы. Хозяин

пытался сводить концы с концами, переписывая письма и прошения, но денег на лекарства всё равно катастрофически не хватало. Спустя несколько лет мать всё же угасла.

Молодой ученый сам справился с похоронами, выдержал три месяца траура, а затем начал совмещать учебу с любым заработком. Со званием сюэца дело пошло легче: он месяцами без отдыха писал письма, продавал каллиграфию, читал лекции в деревенской школе, писал эпитафии... Только так он смог раздать сорок тысяч вэней долга, набранного на лечение матери.

Он жил один, был неприхотлив: ел простую кашу, носил латаные одежды. Оставшись без долгов, он посвящал всё время книгам, лишь изредка берясь за работу ради пропитания. Сейчас у него на руках было чуть больше четырех тысяч монет.

Шелковый газ был ему не по карману, но даже рулон простого газа стоил тысячу восемьсот вэней. К тому же шить самому было некогда, поэтому Ци Чаоцинъ направился в лавку готового платья. Его мало заботили наряды, и он купил то, что приказчик назвал «столичной модой»: короткую кофту из узорчатого газа с широкими рукавами за полторы тысячи вэней. В доме были только соломенные сандалии, но гость был слишком нежен для них — пара шагов, и ноги покроются мозолями. Пришлось взять еще кожаные сапоги за восемьсот вэней. Затем он зашел в мясную лавку у моста Бацзы и взял два цзиня свинины за восемьдесят вэней.

От его сбережений осталась едва ли половина. В конце он купил себе палочку сосновой туши за тридцать вэней. Молодой человек уже договорился с хозяином лавки вееров: с завтрашнего дня он будет расписывать по тридцать вееров в день с оплатой в тот же вечер.

Подойдя к берегу реки, он увидел Шуй Цюэ, всё еще сидящего на каменной плите.

— Что ты делаешь? — негромко спросил Ци Чаоцинъ.

Юноша так увлекся, что не заметил его приближения. От неожиданности он вздрогнул и едва не свалился в воду, но молодой человек ловко подхватил его за воротник, удержав на месте.

Не успел хозяин слова сказать, как Шуй Цюэ проворчал:

— Почему тыходишь так тихо...

Ци Чаоцинъ уже открыл рот, чтобы ответить, но парень поднял на него лицо и, довольно улыбаясь, похвастался:

— А я как раз стираю твою одежду!

Хозяин дома прищурился, глядя на мокрый ком ткани на камне.

— ...Это твои вещи.

Одежда пропиталась водой, к тому же это было нательное белье — Шуй Цюэ просто не смог отличить свое от чужого. Когда его так бесцеремонно разоблачили, он немного смутился, но упрямо заявил:

— Мы с Ци-ланом... к чему эти разделения на «твое» и «мое»?

Он сказал это так естественно, будто они были родными братьями, выросшими в одной колыбели. Молодой ученый промолчал. Или этот парень вознамерился остаться у него в доме в качестве «сяо ланцзюнь»?

В эпоху Да Жун к мужской любви не относились с таким презрением, как при прошлой династии. Нередко знатные люди брали в мужья мужчин, и обращение «ланцзюнь» было вежливым, но если назвать кого-то «сяо ланцзюнь», в этом, помимо обычного смысла, всегда слышался легкий насмешливый подтекст.

Юноша виновато опустил голову. Его деревянная шпилька разболталась, и на ветру прядь иссиня-черных волос упала на белоснежную шею. Почему он молчит? Молчание хозяина делало ситуацию еще более неловкой... Парень начал нервно тереть пальцы.

Наконец стоящий перед ним человек спросил:

— И как успехи?

Любому было ясно, что вопрос издевательский: на мокрой одежде даже не было пены от мыла. Когда Ци Чаоцзинь проходил мимо по другому берегу, он краем глаза видел, как Шуй Цюэ просто пускает блинчики по воде.

Юноша не мог признаться, что едва не утопил белье. Он неловко развел руками и, глядя на хозяина дома жалобными глазами, пролепетал:

— Вода в реке такая ледяная, я пока тер белье, все руки отморозил.

А на дворе стоял разгар лета.

Ци Чаоцзинь не знал, смеяться ему или злиться. Он посмотрел на протянутые ладони — белые, нежные, без единой мозоли. Кончики пальцев действительно покраснели, но молодой человек был уверен: это всё оттого, что парень просто слишком долго плескался в воде.

— Давай лучше я, — вздохнул он.

Шуй Цюэ тут же вскочил, послушно уступая место. Его собеседник привык к тяжелому труду. Руки хозяина не были похожи на руки городских ученых, у которых мозоли были только от кисти. Его ладони, суставы и пальцы были огрубевшими от работы. Послышались мерные удары валька по мокрой ткани.

— Стой! — юноша внезапно схватил Ци Чаоцзиня за рукав. — Это... это я сам постираю.

На каменной плите лежали его белые исподние штаны. Хозяин поднял взгляд. Сначала он не придавал этому значения, но, увидев, как покраснели кончики ушей Шуй Цюэ, почувствовал, что тонкая ткань в его руках словно начала обжигать пальцы.

Его горло невольно сжалось. Молодой человек сохранил бесстрастное лицо, лишь слегка вскинув бровь:

— Стирай сам, если хочешь, чтобы твое... уплыло по течению.

Будь на его месте кто-то поглубже, он бы непременно сказал, что даже речная вода не смоет аромат с этих тонких штанов, и если их подберет какой-нибудь дюжий деревенский мужлан, он будет тайком вдыхать этот запах по ночам, представляя себе нежную кожу заморского гостя.

Шуй Цюэ и сам не слишком доверял своему умению стирать. Ци Чаоцзинь, с пылающими ушами, но невозмутимым видом, принялся тереть белую ткань. Он уже собирался прополоскать вещи, как вдруг сверху по течению поплыли красные пятна, окрашивая прозрачную воду.

Юноша обернулся. В двадцати шагах выше, у деревянного моста, сидел мужчина в охотничьем наряде — в широкополой шляпе и короткой холщовой куртке. Он потрошил фазана прямо в реке. Горло птицы было перерезано, и кровь, которую он не успел собрать в миску, стекала в воду. Шуй Цюэ испугался, что тот сейчас начнет ощипывать перья прямо здесь.

Он подошел ближе и вежливо спросил:

— Добрый день?

Деревенские редко говорили так учтиво, особенно с ним. Мужчина поднял голову. Под полями шляпы блеснули глубоко посаженные, острые глаза. Линия его челюсти была резкой и суровой. В его взгляде не было враждебности, но само выражение лица внушало необъяснимую тревогу. Казалось, в его жилах текла кровь северных варваров.

Грубая ладонь крепко сжимала шею фазана, рядом в траве лежал короткий окровавленный нож. Мужчина присел на корточки, и под его одеждой отчетливо проступили бугры мышц на спине. Было видно, что договориться с ним будет непросто.

Шуй Цюэ заговорил еще тише и ласковее:

— Не могли бы вы перейти пониже по течению?

Дом Ци Чаоцзиня стоял у самого въезда в деревню Цинхэ, и это место считалось верховьем. Здесь испокон веков стирали белье, и по негласному правилу всю грязную работу следовало делать ниже по реке.

У Чунь молча поднялся. Он был огромен и широкоплеч — мощные мышцы облегли крупный костяк северянина. В талии он был едва ли не вдвое шире Шуй Цюэ. «Белый день на дворе, не может же он меня ударить, если я просто прошу...» — подумал юноша, закусив губу.

Охотник смотрел на него сверху вниз своими пронзительными глазами. Это бледное личико было таким крошечным — оно бы целиком поместилось в его ладони. Руки и ноги парня казались совсем хрупкими. У Чунь не отличался сообразительностью, он был человеком простым и даже неотесанным. Глядя на гостя, он никак не мог понять, как можно было вырастить такое нежное создание.

Из-за варварской крови жители деревни Цинхэ обходили У Чуня стороной. Мало того что он был пришлым, так еще и выглядел пугающе: матери пугали его именем капризных детей. Юноша перед ним, очевидно, тоже его боялся. Его губы от волнения стали ярко-красными, и мужчине показалось, что они красивее любой румяны, что он видел на прилавках в городе, когда ходил продавать туши кабанов.

Под пристальным взглядом У Чуня у Шуй Цюэ на лбу выступил пот, но он продолжал терпеливо объяснять:

— Мы там, на камнях, стираем одежду. Если вы будете резать птицу здесь, вода станет грязной...

Мужчина перевел взгляд на берег. Ци Чаоцзинь уже отложил валец и собирался подойти, опасаясь, что между ними вспыхнет ссора. Исполднее на камнях было явно не его.

У Чунь снова посмотрел на ся ланцзюня перед собой. Он долго молчал, а когда заговорил, голос его был хриплым от долгого безмолвия:

— Ясно.

Он подхватил свой лук, нож и миску, взял за лапы истекающего кровью фазана и молча зашагал вниз по реке. Кровь птицы продолжала сочиться из перерезанного горла, пачкая перья и капая на траву у него под ногами.

Ци Чаоцзинь думал, что при таком нежном облике Шуй Цюэ и в еде будет избирателен, но тот вдруг заявил, что хочет жареного мяса. Юноша с горящими глазами наблюдал, как хозяин дома ловко рубит свинину на деревянной доске. В нем проснулась какая-то жажда компенсации: за годы в лаборатории он настрадался от безвкусной еды, и теперь, когда была возможность, требовал самого жирного и острого.

Под пристальным взглядом гостя молодой ученый почувствовал себя не в своей тарелке. Особенно его смущало, что парень то и дело восторженно шептал:

— Ци-лан такой умелый...

В его семье чувства всегда держали при себе, и такая прямая похвала была в диковинку.

Молодой человек сжал губы. Он нарезал мясо тонкими ломтиками и замариновал их в соевом соусе.

— Сейчас повалит дым, иди во двор, — велел он.

Он всерьез опасался, что Шуй Цюэ снова начнет плакать от дыма, глядя на него своими красными глазами. Когда помощь больше не требовалась, юноша послушно вышел из кухни. Ломтики мяса зашипели на раскаленной сковороде, быстро белея. Хозяин обжарил их, нарезал соломкой и смешал с маринованной редькой, сычуаньским перцем и кунжутным маслом.

Когда он вынес тарелку с ароматным мясом во двор, то увидел, что гость отрезал кусок кактуса, растущего за домом, и старательно шинкует его маленьким ножом.

— Что ты делаешь? — спросил молодой ученый.

— А... тут приходил мальчик, искал тебя. Я увидел, что у него свинка, — ответил Шуй Цюэ. — Он назвался Ху-цзы. Сказал, что мать велела ему попросить тебя нарисовать кистью иероглиф «тигр» у него на щеке.

Ху-цзы был соседским ребенком, ему было всего семь лет. Ци Чаоцзинь и сам в детстве болел свинкой — деревенские называли ее «свиной опухолью», потому что лицо при ней становилось отекившим и некрасивым. В деревнях верили в старинный способ: мол, если написать на щеке иероглиф «тигр», свинья испугается и уйдет.

Отец молодого человека, когда-то бывший лекарем, и мать, немного разбиравшаяся в медицине, говорили ему, что это чепуха. Нужно прикладывать мякоть кактуса или мазать опухоль корнем ариземы, растертым с уксусом. Тот самый кактус за домом Ци Чаоцзинь посадил еще в детстве. Шуй Цюэ знал об этом только потому, что в соседней лаборатории обитал странный Объект, возомнивший себя великим целителем; он целыми днями читал юноше нотации о медицине. Гость обычно пропускал всё мимо ушей, но кое-какие простые

вещи в памяти всё же отложились.

Хозяин дома начал подозревать, не из семьи ли лекарей этот юноша. Впрочем, в семье простого босоногого врача не могли вырастить такое изнеженное создание.

Ху-цзы всё еще ловил сверчков у ворот. Увидев Шуй Цюэ, он просиял:

— Братец-небожитель!

Про своего любимого Ци Чаоцзиня он вмиг позабыл. Парень приложил кусочки кактуса к его щеке. Мальчик тут же скривился, но юноша велел ему самому придерживать компресс, если он хочет поправиться.

— Но тогда Ху-цзы не сможет ловить сверчков! — заканючил ребенок.

Шуй Цюэ с серьезным видом уперся руками в колени и склонился к нему:

— Маленький господин Ху-цзы, ты будешь меня слушаться или нет?

Семилетнего Ху-цзы еще никто никогда не называл «маленьким господином» — его младшая сестренка еще даже говорить не умела. Он смущенно заерзал:

— Ладно, Ху-цзы будет слушаться. Братец-небожитель, ты будешь со мной дружить? Будешь со мной играть?

— Конечно, — юноша погладил его по голове.

Хозяин дома молча наблюдал за этой сценой. Не успел наступить вечер, как по всей деревне Цинхэ пошел слух, что в доме у Ци живет «братец-бодхисаттва» и «братец-чудесный лекарь».

На следующий день Ци Чаоцзиню нужно было уйти спозаранку, чтобы успеть в город до открытия рынка и расписать тридцать вееров. Оставив на плите котелок с теплой мясной кашей, он ушел. Шуй Цюэ сегодня встал раньше обычного. Он сидел во дворе на маленьком табурете и неспешно ел кашу.

Внезапно в плетеные ворота постучали. Ци Чаоцзинь не стал запирасть их на замок, зная, что в деревне все свои и воров бояться нечего. Юноша отставил пустую чашу на кухонный стол и пошел открывать.

Он распахнул створки ворот. Солнце уже начало припекать. Перед ним стоял мужчина в широкополой шляпе, тень от которой скрывала его суровый взгляд. В левой руке он держал фазана, а правую как-то неестественно прижимал к телу. Шуй Цюэ не ожидал увидеть его снова.

Наблюдатель в его голове тут же съязвил в стиле старой драмы:

[Уж не любовная ли тоска привела его к маленькому бодхисаттве за лечением?]

<http://bllate.org/book/15811/1439814>